

Следует указать и на ту значительную роль, которую начинает играть в современной духовной жизни культурный опыт индийской и других восточных регионов в виде дзен – буддизма, кришнаизма, мунизма и т. д. Можно предположить, что эта роль будет возрастать по мере того, как в западном обществе будет происходить поиск новой системы ценностей, отличной от ценностей западной техногенной цивилизации (Майкл Кин. Религии мира. – Харьков, 2006 – С. 100).

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе межкультурного диалога:

1. Усвоение прогрессивного опыта происходило при сохранении цивилизационных особенностей каждого общества, культуры и менталитета народа.
2. Каждое сообщество берет из общечеловеческого опыта те формы жизни, которые оно в состоянии освоить в рамках своих экономических и культурных возможностей.
3. Элементы иной цивилизации, пересаженные на другую почву, приобретают новый облик, новое качество.

Юдин З. М.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
доцент кафедры теории государства и права,
кандидат юридических наук*

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО КОНТРАКТИВИЗМА

Вопросы современного договорного права должны разрешаться с использованием того методологического инструментария, который все в большей степени перетекает из философии в правовую сферу, юрицизируясь и адаптируясь к особому предмету познания юриспруденции. Сегодня очевидно, что постижение договора должно неразрывно связываться с достижениями феноменологии, герменевтики, аналитической философии и юридической антропологии. В то же время показательным, что большинство современных исследователей продолжают рассматривать договор в традиционном нормативном ключе.

Тем не менее, проблема анализа формы, содержания и действия правовых договоров лежит в плоскости куда более широкой, нежели только рассмотрение вопросов текстуального либо речевого их выражения. Поскольку трансцендентальная, а затем и социальная феноменология породили такие важнейшие направления философской и социологической мысли как герменевтика, гештальтпсихология и аналитическая философия, то нельзя оставлять их за пределами применения феноменологического метода. И если проблематика юридической герменевтики уже давно стала ключевой канвой множества общетеоретических юридических исследований (достаточно назвать работы А. И. Овчинникова, А. А. Козловского, Ю. Н. Оборотова, В. В. Дудченко и иных видных ученых), то вопросы, связанные с применением аналитической философии в юриспруденции во многом недостаточно освещены и слабо культивированы.

Аналитическая философия стремится представить основные проблемы философского знания как языковые головоломки («помочь мухе найти выход из мухоловки»), а саму философию – как метатеорию языка. Методы аналитической философии, разработанные усилиями стоявшего у его истоков Л. Витгенштейна, состоят в выявлении смысла, тождественности и применения слов. И если для раннего Л. Витгенштейна основным вопросом было то, каким образом связаны реальность и язык, то в его поздних работах ответ вырисовывается с присущей позитивизму простотой: смысл слова в том, для обозначения чего его используют. «Не ищите смысл, ищите употребление!» – таков лозунг позднего Л. Витгенштейна и таков, следовательно, лозунг аналитической философии.

Для правового контрактивизма применение аналитической философии может стать действенным инструментом в деле постижения феноменологии правового договора. Выявление специфики применения ключевых слов, типичных оборотов и иных формальных конструкций позволит не только обозначить тенденции развития этого элемента правовой жизни, но и продемонстрировать изменение смыслового фона права в целом. Более того, изучение содержания и значения правовых договоров в рамках тех или иных правовых систем и культур дает наглядный результат словесного выражения права, его речевого существования.

Особенно ярко проявляется эвристический потенциал аналитической философии для правового контрактивизма, если рассматривать устоявшиеся договорные клише как один из элементов «языковых игр». Основа теории языковых игр состоит в отказе от наивного утверждения, что смысл употребляемых слов такой же, как мы видим его в словарях. Слова следует возвращать от их метафизического употребления к повседневному употреблению, поскольку язык составляет часть естественной истории человека. В таком необычном для юриспруденции контексте открываются весьма интересные перспективы для аналитического исследования языка договоров с выявлением истинных, порой даже метафоричных, смыслов употребляемых оборотов. Показательно, что в юриспруденции использование клише разворачивает предложенную аналитиками схему: реальное значение слова заменяется «типичным». Это диктует использование таких терминов как, к примеру, «даритель», «одаряемый», «арендатор» и т. д. На самом деле, при феноменологическом исследовании конкретного договора, может обнаружиться, что договор фиктивен, а его участники в реальном соотношении их прав и обязанностей меняются местами. При этом «типичное» значение употребляемых по отношению к сторонам слов теряет не только смысл, оно становится нелогичным. Таким образом, право также выступает своеобразным полем для языковых игр.

Следует обозначить, что развитие аналитической философии во многом предвосхитило формирование структурализма и постструктурализма. Последний стал одним из мощнейших направлений постмодернистской философии, а разработанный Ж. Деррида метод деконструкции стал базовым для исследований языковых структур. Впрочем, следует обозначить, что эти направления явно вышли за пределы феноменологии, а апологеты постмодернизма вовсе отрицали ее, равно как и герменевтику, диалектику и иные онтологические теории.

В заключение необходимо обозначить, что задача правового контрактивизма состоит не только в раскрытии понятия и назначения договора в правовой сфере путем его феноменологического анализа. Методологическая и познавательная база правового контрактивизма, несомненно, куда более широкая и выходит далеко за пределы применения одного метода, пусть даже мегаметода. Исследования правовых договоров охватывают значимый пласт правовой реальности, что неизбежно приводит к использованию самых разнообразных классических, неклассических и постнеклассических методологий.

Белошенко Е. Ю.

Криворожский факультет Национального университета «Одесская юридическая академия», ст. преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Государство является одним из субъектов социального партнерства. Как носитель национального суверенитета государство владеет властными полномочиями в законодательной, исполнительной и судебной сферах. Выполняя законодательную функцию, оно принимает законы в области трудового права, исполнительную обеспечивает их выполнение при помощи актов управления, контроля и надзора в сфере труда, судебную – рассматривает в лице судебных органов трудовые споры.

Целью данного исследования является обоснование роли государства в системе регулирования отношений социального партнерства.

Роль государства как самостоятельного социального партнера в регулировании социально-трудовых отношений в Украине проявилась только в начале 90-х гг. XX века с принятием Закона Украины «О коллективных договорах и соглашениях» от 1 июля 1993 г., которым было предусмотрено проведение переговоров и составление коллективных соглашений на трех уровнях – государственном, отраслевом и региональном.

Участие в социальном партнерстве создает государству возможность для снижения угрозы отрыва политики от социально-экономических процессов, предупреждает попытки превращения экономики в инструмент для достижения необходимых целей. Как представитель общества в целом, государство защищает законные интересы личности и стремится к достижению консенсуса всех участников социального партнерства.

Всем субъектам социального партнерства обеспечиваются равные права. Поэтому в социальном партнерстве государство властных полномочий не имеет, однако выполняет следующие функции:

- выступает гарантом основных прав работников, профсоюзов, предпринимателей. Эти права обеспечиваются прежде всего через разработку правовых основ и организационных форм социального партнерства, правил взаимодействия сторон, установления обоснованного размера минимальных социально-трудовых стандартов (минимальной зарплаты, социальных льгот и гарантий и т. п.);